

Господин де Мольер и тоталитаризм (досушие рассуждения)

Харьковский академический русский драматический театр им. А. С. Пушкина своими спектаклями уж давно снискал себе славу «водевильного». в моём зрительском сознании. Как-то даже не думалось, что заядлая театральная публика дожждётся серьёзной постановки. Поэтому, случайно увидев афишу в метрополитене, немало удивилась и решила пойти на спектакль «Кабала святош» по пьесе М. Булгакова. Тем более, что режиссёр спектакля, А. Аркадин-Школьник известен мне по своим постановкам в театре Шевченко, таких как «Зойкина квартира» и «Продавец дождя». Замечу лишь, что постановки его отличаются особой атмосферой и глубоким проникновением в эпоху, но тонкое соприкосновение с сегодняшним днём, при этом не теряется. Предельный драматизм соседствует с искромётным юмором, который, между тем, отдаёт горечью. Своеобразная тоска по уходящему «великолепному былому» (как в «Зойкиной квартире») или доподлинно точно очерченные особенности стагнации увядающей эпохи (как в «Кабале святош») – наверное, это для меня краеугольный камень спектаклей данного режиссёра.

Говоря об атмосфере и общем впечатлении от стилевых особенностей постановки, нужно заметить, что классическая музыка эпохи романтизма (в особенности, то в джазовой, то в рок обработке) несколько не вписывалась в действо. Здесь во мне говорит не прилежный ученик, которому со студенческой скамьи советовали не путать классицизм с романтизмом, а скорее зритель, жаждущий видеть целостность картины и гармонию различных деталей и нюансов спектакля. Кроме того, некоторые произведения классической музыки, например, крайне популярное «Адажио» Томазо Альбинони является донельзя заезженным и только ленивый режиссёр ещё не включил его в свои постановки. Естественно, создатели спектакля не подразумевали дурного, а пытались придать атмосфере действия большей трагедийности. Но, на мой взгляд, при выборе музыки следует ориентироваться не на обывательские вкусы и узнаваемость произведения, а на тональность и основные положения пьесы.

Общая концепция спектакля заслуживает особого внимания. Во-первых, к моему зрительскому счастью, я не увидела точного и дотошного (в «лучших» советских традициях!) воспроизведения эпохи. Очевидно, что определённое несоответствие и нетождественность обстановки по отношению к стилевым особенностям времени Людовика Великого объясняется попыткой провести очевидную параллель между современной Булгакову сталинской Россией и Францией XVII века. Ведь и сам драматург задавался целью выявить не только всеобщую и отчасти раболепную по отношению к властителю «галантность» и некоторое плутовство, присущие аристократии и прочим сословиям эпохи Короля Солнца. Очевидно сходство,

которое прозорливый Булгаков провёл между двумя такими, на первый взгляд разными, эпохами. А уж бдительное и всевидящее «око Мордора», а именно, склонная к паранойе всемогущая верхушка во главе со Сталиным не могла не усмотреть в тайной реакционной организации – Каббале Священного писания – нещадный и всемогущий аппарат ЧК. Инакомыслие во времена тирании всегда преследовалось, живые зерна правды и благородства уничтожались на корню. Любой разумный современник понял бы всю соль произведения... Логичным представляется, что пьеса Булгакова после семи показов была запрещена «за внешний блеск и фальшивое содержание», ведь режим тотальной лжи и подхалимажа привык к поглаживаниям и потаканиям по отношению к незыблемой системе. Сталинский режим породил массу панегиристов, которые дрожали от страха и писали хвалебные оды «Отцу народов». Образ подобного приспособленца нашёл свое карикатурное подобие в комичной фигуре друга Мольера – Бутона. Трикстер и проныра всю постановку переживает за собственную участь.

И так ли мы правы, когда припоминаем и называем тоталитарными лишь режимы XX столетия. А как быть с абсолютизмом и монархическим строем в целом, который повсеместно и целыми столетиями паразитировал, пока все «молчали и благоденствовали»? Как быть с теми, кто единолично вершил судьбы человечества, решая кому жить, а кому умирать? Образ Людовика представлен именно в этом свете. Следует сказать, что режиссёр А. Аркадин-Школьник как нельзя лучше представил этого властителя. В спектакле создан неоднозначный образ. С одной стороны, король является примером великодушного и разумного правителя – покровителя искусства и ценителя истинного творчества. А с другой стороны – перед нами жестокий деспот. В одной из финальных сцен его внешний антураж вселяет в зрителя ужас: золоченые ткани одежд французского владыки и фальшивые кудри, которые в былые времена его юного великолепия закрепили за Людовиком славу Аполлона, вселяют чувство надвигающейся трагедии. Зритель наблюдает, как в этом тиране постепенно происходит агония всего человеческого. А вместе с тем агонизирует в предсмертных корчах целая эпоха – время Короля-Солнца, воплощённое в правителе, утверждавшем: «Государство – это я». А вот и слова самого Булгакова, вложенные в уста господина де Мольера: «Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно – что он меня давит! Идол! ...Всю жизнь я ему лизал шпоры и думал только одно: не раздави. И вот все-таки – раздавил. Тиран!»

Да, сам Мольер – представитель эпохи, её неотъемлемая часть, не может не разделить участь своего столетия...

Поистине, «Каббала святош» о том, что «повелитель судеб» в любую эпоху несет зло, иногда завуалированное и коварное, как в столетие «розовой попсы», когда люди добровольно сотворяют себе кумиров, поскольку отсутствие критического мышления не позволяет отличить зерна от половы, или же прямое – в лице всяческих «истинных отцов» и «новых Мессий»,

различных «пиночетов» и «пол потов». В своё время широкоизвестный в узких кругах бард Александр Башлачёв, ещё видевший воочию зло тоталитарной системы в песне «Абсолютный вахтёр» (1988) создал усредненный и типичный образ диктатора всех времен и народов:

...Бал на все времена! Ах, как сентиментально...
И паук – ржавый крест – спит в золе наших звезд.
И мелодия вальса так документальна,
Как обычный арест, как банальный донос.

Как бесплатные танцы на каждом допросе,
Как татарин на вышке, рванувший затвор.
Абсолютный Вахтер – ни Адольф, ни Иосиф,
Дюссельдорфский мясник да пскопской живодер...

О чём же всё-таки спектакль – решать каждому зрителю. Но в любом случае, постановка оставляет почву для размышлений. На мой взгляд, «Каббала святош» повествует о единстве времён и единстве «гнилых язв» на лице различных эпох. Всё то же «линчевание» всего прогрессивного и человеческого, что в XVII, что в XX веке. Все те же судилища, выносящие смертельный приговор истине.

Заканчивая свои досужие рассуждения, скажу только одно: многим зрителям не хватает серьёзного контента в академических театрах. Если эта постановка символизирует начало обращения к серьёзным и оставшимся в веках произведениям, то стоит лишь поприветствовать подобную инициативу.